

Алтайский государственный университет
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения
НИИ Гуманитарных исследований при АГУ
Институт археологии и этнографии СО РАН
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий

Сборник научных статей

**Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 1999**

Алтайский государственный университет
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения
НИИ Гуманитарных исследований при АГУ
Институт археологии и этнографии СО РАН
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий

Сборник научных статей

**Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 1999**

(башадаро-туэктинский) этап пазырыкской культуры, датируемый VI–V вв. до н.э. Затем следует рассматривать период собственно пазырыкский (V и IV вв. до н.э.), а после него — позднепазырыкский этап (III — нач. II вв. до н.э.). Такое же хронологическое деление памятников пазырыкской культуры в свое время изложил на основе анализа погребального инвентаря А.С. Суразаков (1988) и это подтверждается в ходе других исследований.

Подводя итог рассмотрению основных этапов изучения скифской эпохи Горного Алтая, мы пришли к выводу о том, что накопленного материала сейчас достаточно для того, чтобы не проводить широкомасштабные раскопочные работы, а начать более глубокое и существенное рассмотрение имеющихся данных. По всей видимости что-то сверхнового в культуре пазырыкского времени вряд ли удастся найти. Необходимо все же проведение исследований могильников в наименее изученных районах: Усть-Канский, Усть-Коксинский и предгорные. Как уже было сказано, перспективными следует рассматривать раскопки поселений. Это, в сложившейся ситуации, не вызовет протест местного населения. Что касается реальных перспектив изучения памятников раннескифского времени, то это больше касается погребальных объектов представителей верхушки этих племен, а также памятников Северо-Западной Монголии и предгорий Алтая.

А.А. Ковалев

(Санкт-Петербургский филиал Российского
научно-исследовательского института культурного и природного наследия)

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ

САЯНО-АЛТАЯ И ОРДОСА В V–III ВЕКАХ ДО Н.Э.

A. A. Kovalev

*(Russian Research Institute of the
Cultural and Natural Heritage, St.-Petersburg Branch)
Concerning the connections between
Sayan-Altai and Ordos tribes in V–III centuries B.C.*

Публикация обнаруженных в 70–80-е годы в Ордосе погребальных комплексов эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.) позволила ряду исследователей сделать вывод о культурном и, возможно, политическом единстве населения Ордоса и Алтая в позднескифское время. Однако несмотря на то, что этой теме посвящены многие публикации (см. напр. Haskins, 1992, p. 7–8; Bunker, 1989, p. 54; Rawson, Bunker, 1990, p. 297–299; Bunker, 1992, p. 99–104; So, Bunker, 1996, p. 56; Полосьмак, 1994, с. 6–10, рис. 1.–64; Кляшторный, Савинов, 1998, с. 172), сохраняется необходимость в более детальном исследовании форм и направлений культурного взаимодействия культур древних кочевников Ордоса и Саяно-Алтая.

В ряде погребальных комплексов эпохи ранних кочевников Саян и Верхнего Приобья обнаружены бронзовые поясные бляхи с изображением идущего тигра с головой барана в раскрытой пасти: Саглы-Бажи-II, курган 3 (саглынский этап саглынской культуры (V–IV вв. до н.э.)) (Грач, 1980, с. 110–111, рис. 4–6,7 (1), 8,9,32 (7–13,14,16,19–22,24), 33 (1,6), 34 (3), 35 (9), 37 (7), 39 (1,3,9,12)); Даган-Тэли-I, курган 3 (озен-ала-белигский этап саглынской культуры (IV–III вв. до н.э.)) (Грач, 1980, с. 117–118, рис. 56, 58 (2), 60 (1), 61 (5), 62 (1)); Дужерлиг-Ховузу-I, курган 2 (озен-ала-белигский этап саглынской культуры (IV–III вв. до н.э.)) (Грач, 1980, с. 118–119, рис. 63, 66–69, 70(1–4)); Березовка-I, курган 14, могила 3 (голова барана (?) обломана, предполагается по аналогии с остальными бляхами) (большереченская культура, бийский этап (V–III вв. до н.э.)) (Полторацкая, 1961, с. 79, рис. 85 (1–4)); Могильников В.А., 1997, с. 72, рис. 54, 10); Богданово-I, курган 1 (саргатская культура, III–II вв. до н.э.) (Могильников В.А., 1992, с. 305, табл. 124 (50)). Несколько бляшек с изображением идущего тигра и головы горного барана известны из случайных находок (Завитухина, 1983, с. 72, № 191(Аскиз, Хакасия), 192 (с. Кемчул, «Красноярский округ»); Членова, 1967, с. 249, табл. 17 (3) (Красноярский край) (она

же — Дэвлет, 1980, с. 9, рис. 4 (1)), 35 (3) (Красноярский край, р. Кежма, приток Каменки), 35 (6) (Семипалатинская губерния); Bunker, 1981, p. 154. № 825–827 (из «Южной Сибири»). (рис. 1–2–8).

Н.Л. Членова причисляет все бляхи с идущим тигром и головой горного козла к «алтайскому» стилю, прежде всего поскольку подобная композиция имеется на деревянной колоде из 2 Башадарского кургана (Членова, 1967, с. 136) (рис. 1.–1). Этот памятник буквально воспроизводит изображения на бляхах (Руденко, 1960, с. 46, рис. 21), однако, как мы видим, распространение таких блях (Саяны, Минуса, Верхнее Приобье) не дает нам оснований считать собственно Алтай центром формирования их сюжета и изобразительного канона. Комплексы с рассматриваемыми композициями не составляют какую-либо особую группу: это типичные погребения тувинских и верхнеобских культур позднескифского периода. В то же время нет возможности связать их с контекстом какой-либо определенной археологической культуры.

В то же время поясные бляхи и пряжки, изображающие фигуру идущего тигра, несущего в пасти либо пожирающего травоядное животное, в большом количестве обнаружены в комплексах V–III вв. до н.э. на территории Ордоса: Узцягоу 1984 года (уезд Чжэньюань, провинция Ганьсу) (пряжка) (Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 420–421, рис. 12–14, табл. 4 (2,4)); Тату 1984 года (уезд Циньян, провинция Ганьсу) (китайского производства) (Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 422, рис. 17 (3–5), табл. 4 (3)); Чэньянчуань 1988 года (волость Синьин, уезд Сицзи, Нинся-Хуэйский Автономный Район) (китайского производства) (Ян Шичжун, Ли Хуайжэнь, 1992, У Энь, 1994, с. 27, рис. 1, Сюй Чэн и др., 1996, с. 69, рис. 8 (1)); Няньфанцзюй (волость Талатунь округа Дуншэн, АР Внутренняя Монголия) (одна золотая) (Гао И, 1991, Zhang Lei, 1993, fig. 16); могила M12 могильной группы I (одна могильника Янлан (уезд Гуюань, Нинся). (Сюй Чэн и др., 1993, с. 53, рис. 16 (6,21), 18 (3), 19 (12), 21 (2), 22 (2,7), 23 (4), 24 (3,4), 26 (3), 27 (2,4,5,9), табл. 1 (10)); могила M4 группы III (две, пряжки) могильника Янлан (Сюй Чэн и др., 1993, с. 55, рис. 16 (7,17), 18 (3,8), 19 (11), 20 (13,15), 21 (9,10), 22 (5,10,13,16), 23 (1), 24 (3,9), 25 (1,4,7), 26 (10), 28 (13,17), табл. 2 (7), 3 (5), 4 (1,6), Сюй Чэн, Ли Цзиньжэн, 1993, рис. 4 (1)); Шихуйгоу (волость Булянь, знамя Ицзиньхоло, АР Внутренняя Монголия) (одна серебряная) (Ван Чжицзе, У Чжаньхай, 1992); Алучайдэн (знамя Ханцзинь, АР Внутренняя Монголия) (три серебряных) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1980); Чэньянчуань 1985 г. (волость Синьин, уезд Сицзи, Нинся) (две парные бляхи) (Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990, с. 404, рис. 1 (4), 11 (10), 12 (2,3), 13 (9), 14 (9), 15 (2)); Байяньлинь (волость Синьцзи, уезд Пэнъян, Нинся) (одна) (Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990, с. 404, рис. 2 (5), 12 (1), табл. 6 (1)). Помимо этих комплексов, известны ряд мест случайных находок блях искомого типа: район Циньян провинции Ганьсу (китайского производства) (Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 423, рис. 18 (5), табл. 4 (1)); две бляхи из Пэнбу (уезд Гуюань, Нинся) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 94–95, рис. 62 (1); Нинся Гуюань..., 1978, с. 86, рис. 1); Яоцзы уезда Лянчэн (АР Внутренняя Монголия) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 95, рис. 62 (3), табл. 10 (1), 72 (2)); город Сиань (провинция Шэньси) (Ван Чжанци, 1991, с. 6, рис. 2 (12)); кроме того, известно не менее 30 блях указанного типа, происходящих с территории КНР, в том числе 18 определенно китайского производства (рис. 1.–9–19).

Клевец «гэ» из могилы ШМ4 в могильнике Янлан (известный нам, правда, только по рисунку на плане погребения) может быть датирован V–IV вв. до н.э. (Хаяши Минао, 1972, прил. 2, рис. 91). Китайские псалии из могилы в Чэньянчуань 1988 года по аналогии с находками на Центральной Равнине датируются поздним периодом эпохи Чуньцю (Ян Шичжун, Ли Хуайжэнь, 1992, с. 575). Железные предметы (кинжал, копье, удила), обнаруженные в могиле ШМ4 могильника Янлан, традиционно считаются свидетельством поздней даты комплекса – начиная с IV вв. до н.э. Биметаллические кинжалы из комплексов Чэньянчуань 1985 года и Янлан IM12 являются импортами из западных районов Сычуани или Юннани, где аналогичные полностью бронзовые предметы появляются в эпоху Чжаньго (см. Kan Yong, 1985, p. 60,62, Orioli, 1994, p. 94). Датировать эти предметы можно по аналогии с биметаллическими кинжалами из Лунбаочжай (поздний период эпохи Чжаньго) (Orioli, 1994, p. 92), а также с биметаллическими кинжалами из хорошо датированного комплекса – могилы M1 в Муто (уезд Маосянь, Сычуань) (средний-поздний период эпохи Чжаньго) (Цай Цин, Сюй Сюэшу, 1994, с. 21, 31–2, рис. 5, 55 (8,9)). Находки, датирующиеся эпохами Цинь и Хань, неизвестны. Таким образом, временем изготовления большинства «ордосских» блях (пряжек) с изображением идущего тигра и копытного животного можно считать середину V— первую половину III вв. до н.э.

Ареал распространения находок этих украшений пояса совпадает с территорией, находившейся по крайней мере в конце IV–II вв. до н.э. под контролем племен, известных нам по китайским источникам под именами «лоуфань». О заселении лоуфанями севера Шаньси, а затем Ордоса говорит Мэн Вэньтун (Мэн Вэньтун, 1958, с. 95). Сопоставление текстов китайских источников и данных о прослеженных на местности «длинных стенах» по границам царств Цинь и Чжао, а также «великой стены Цинь Шихуана» подтвердило этот вывод (доклад автора на 2 сессии Международной научной конференции по древним культурам Северного Китая (Чифэн) в августе 1998 года при поддержке Института «Открытое общество», грант №ТАА87V).

При описании событий, относящихся к VII в. до н.э., Сыма Цянь локализует лоуфаней «на север» от границы царства Цзинь, проходившей в то время немногим севернее сегодняшней Тайюани (ШЦ, 9, с. 2883, см. Таскин, 1968, с. 36). Имеются два фрагмента, говорящие о том, что в конце IV в. до н.э. лоуфани находились в союзе с царством Янь или подчинены ему (упоминаются даже «лоуфаньские уезды Янь»): в главе 12 «Чжаньго цэ» (ЧГЦ, 1, с. 434) и в словаре «Шюань» (Сюн Цуньжуй, 1983, с. 112), что могло иметь место только на территории восточнее Датуня. Один раз лоуфани помещены «Чжаньго цэ» в конце IV в. до н.э. «на север» от границ Янь (ЧГЦ, с. 1039, текст полностью воспроизведен в 69 главе «Ши цзи» (ШЦ, 7, с. 2243, см. Сыма Цянь, VII, с. 96) однако, видимо, это ошибка источника. Глава 43 «Ши цзи» при изложении событий конца IV в. до н.э. дважды (ШЦ, 6, 1806, см. Сыма Цянь, VI, с. 61, ШЦ, 6, с. 809, см. Сыма Цянь, VI, с. 64) упоминает лоуфаней на западной границе царства Чжао, к северу от циньского округа Шанцзюнь, т.е. в Ордосе севернее Суйдэ. Один из этих фрагментов воспроизведен и в «Чжаньго цэ» (ЧГЦ, 2, 657, см. Prusek, 1971, p. 224). В другой главе «Ши цзи» упоминается о разгроме лоуфаней вместе с племенем линьху на рубеже IV–III вв. до н.э. чжаоским правителем Улин-ваном «на севере», однако поскольку здесь мы имеем дело не со вставкой, а с авторским текстом Сыма Цяня, неясно, относительно какой точки (границ тогдашнего Чжао или вообще на север от территории китайских государств) определено это направление (ШЦ, 9, с. 2885, см. Таскин, 1968, с. 37). В отличие от племени линьху, которое затем упоминается на северных границах Чжао, лоуфани в дальнейшем размещаются только к западу от него. В 297 году чжаоский Улин-ван встретился с ваном лоуфаней «на западе», в местности «Сихэ» (западный отрезок излучины Хуанхэ севернее Суйдэ) (ШЦ, 6, с. 1813; см. Сыма Цянь, VI, с. 67). В конце III–II вв. до н.э. мы неоднократно встречаемся с неким ваном (правителем) лоуфань и байян (по сообщениям о походе Вэй Цина – двух отдельных племен), находящемся в «Хэнани», то есть в Ордосе, в том числе «в 700 ли» (около 300 км) от Чанъани (нынешней Сиани) (ШЦ, 9, с. 2890, см. Таскин, 1968, с. 39; ШЦ, 8, с. 2719; ШЦ, 9, с. 1906, см. Таскин, 1968, с. 51; ШЦ, 9, с. 2923; см. De Groot, 1921, S. 109–110). К выводу о том, что ордосские памятники IV–III вв. до н.э. должны принадлежать лоуфаням и байян, пришел С.С. Миняев, предпринявший детальный анализ сообщений «Ши цзи» о населении Ордоса ко времени завоевания его Маодунем (Миняев, 1991). В начале эпохи Западная Хань лоуфани принимали активное участие в войнах чжухоу, и, видимо, населяли запад центральной части сегодняшней провинции Шаньси (то есть указанный район «Сихэ»), откуда могло произойти название позднейшего округа и уезда Лоуфань в районе Тайюани (см. ШЦ, 8, с. 2668–2671, 9, 2885). Согласно указанным источникам и сведениям о размещении длинных стен, крайними возможными пределами земель лоуфаней на юго-западе следует считать рубеж в 300 км (700 ли) к северу или северо-западу от Чанъани (сегодняшней Сиани) то есть стену циньского Чжао Сян-вана (см. Пэн Сичжу, 1990), по которой проходила граница Цинь и Хань до похода Вэй Цина 127 г. до н.э., а на северо-востоке — западные границы Янь, восточнее современного Датуня, что совпадает с данными о находках поясных украшений указанного типа. Лоуфаньская атрибуция этих украшений подтверждается и тем, что они во множестве изготавливались мастерами-китайцами именно в царстве Чжао, на севере Шаньси, о чем говорят их стилистические особенности, восходящие к цзиньскому стилю (Rawson, Bunker, 1990, p. 297). Довольно большая концентрация находок поясных блях рассматриваемого типа в южных районах Нинся объясняется только лишь беспрецедентными масштабами деятельности археологов округа Гуюань (сотни исследованных погребений против единиц на севере Ордоса); эти украшения здесь сравнительно с количеством известных комплексов редки и встречены в инородном контексте.

Вышеприведенные данные о распространении, датировке и стилистических особенностях поясных украшений, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу предположения о происхождении саяно-алтайских изображений идущего тигра с головой барана в пасти (несомненно, местного производства) от подобных изображений на ордосских бляхах, что

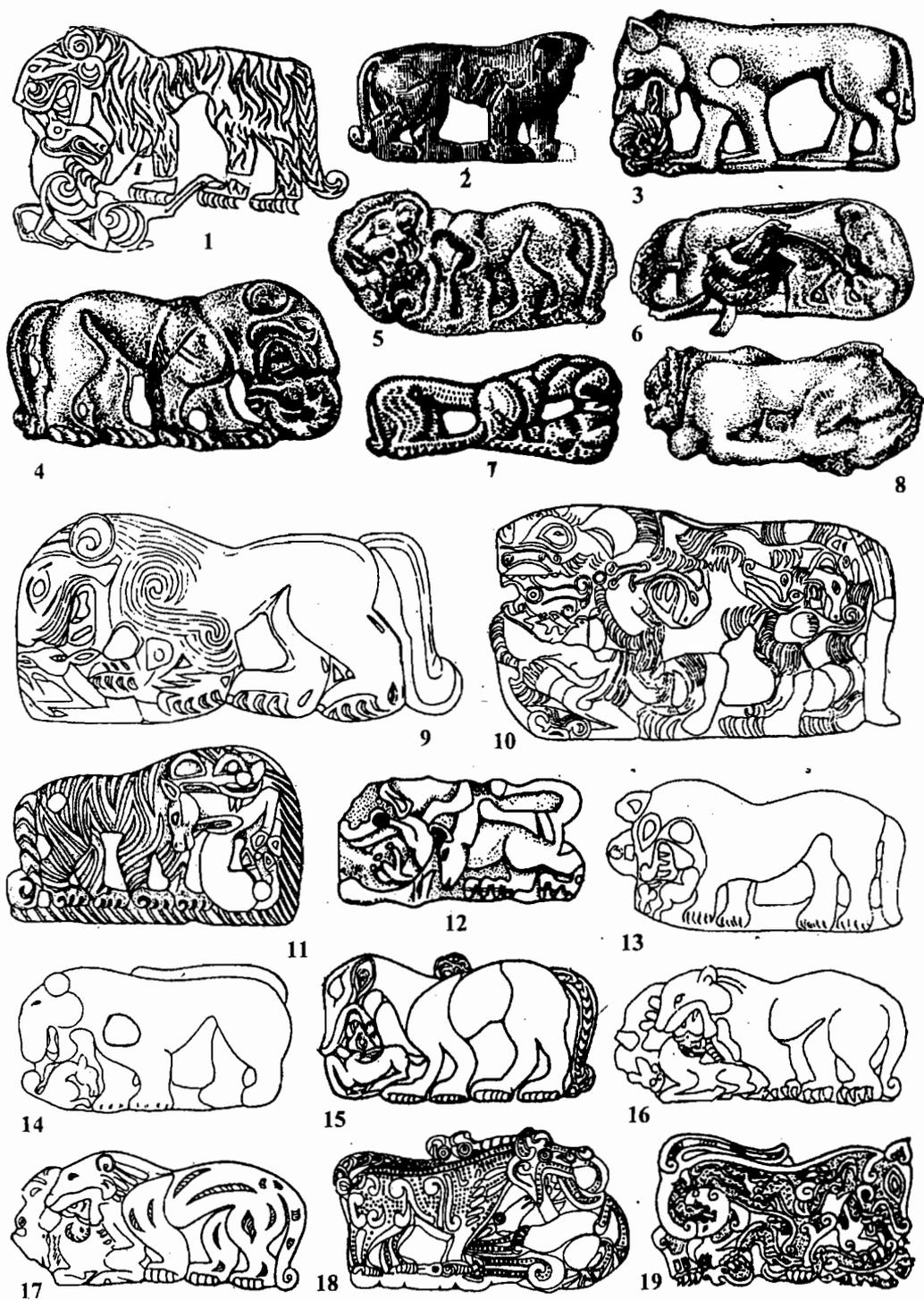

Рис. 1. 1 — 2 Башадарский курган; 2 — Березовка-I, к. 14; 3 — Аскиз; 4 — Кемчул; 5 — Дужерлиг-Ховузу-I, к. 2; 6 — Даган-Тэли-I, к. 3; 7 — Богданово-I, к. 1; 8 — Саглы-Бажи-II, к. 3; 9 — Шихуйгоу; 10 — Няньфаньцой; 11 — Яоцзы; 12 — Алучайдэн; 13 — Ялан-III М4; 14 — Янлан-I М12; 15 — Байяньлинь; 16 — Уцзягоу; 17 — Чэньянчуань 1985 г.; 18 — Чэньянчуань 1988 г.; 19 — Тату 1987 г. 1 — дерево; 9 — серебро; 10, 12 — золото; остальные — бронза.

Рис. 2. 1,9 — Налиньгаоту; 2-5,8,13,14 — Сигоупань М2; 6,7,10-12,15,16 — Алучайдэн; 18 — Саньин; 19 — могила Лю Шэна; 20 — могила Лю Чжи; 21,24,25 — 2 Пазырыкский курган; 22 — Дужерглиг-Ховузу-1, к. 2; 23 — 1 Пазырыкский курган; 26 — 2 Башадарский курган; 27 — Ак-Алаха-1, к. 1; 28 — Эрмитажное собрание; 29 — Саглы-Бажи-11, к. 8; 30 — Уландрык-1, к. 12; 31 — Юстыд-111, к. 8; 32 — 1 Туэктинский курган.

1-3,5,7,8,10-12,14,15,18-20 — золото; 4,22 — бронза; 6 — золото, лазурит; 13 — свинец; 9,16,17 — серебро; 21 — татуировка; 23-26 — кожа; 27,28,30-32 — дерево; 29 — рог.

могло явиться следствием перемещения групп населения («лоуфаней»?) из Ордоса в Саяно-Алтай в IV в. до н.э. Особо необходимо подчеркнуть, что только в Ордосе известны подобные поясные украшения из драгоценных металлов, найденные в элитных комплексах, таких, как Шихуйгоу, Алучайдэн, Няньфанцюй.

Прослеженное воздействие «ордосской» культурной традиции на саяно-алтайский регион затонуло, как мы видели, отдельные группы рядовых кочевников и не оказало практически никакого влияния на материальную культуру и идеологию элиты общества. В то же время влияние саяно-алтайских традиций ярчайшим образом проявилось именно в элитных комплексах Ордоса. С IV в. до н.э. здесь появляются предметы из драгоценных металлов с изображениями явно пазырыкского происхождения.

Таковы предметы с изображением фантастического зверя с телом лошади, рогами оленя и грифоньей головой, обнаруженные в М2 могильника Сигоупань (знамя Чжунгээр), датируемом по изделиям с китайскими надписями не ранее рубежа IV–III в. до н.э. (Psarras, 1995, p. 126) (золотая обкладка ножен железного меча из золотой фольги, одна накладка из золотой фольги с изображением стоящего зверя и пять — с изображением лежащего, а также бронзовая пряжка, оформленная в виде двух противостоящих зверей) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986б, с. 354–360, рис. 5 (1,3), 6 (2), 9 (4)) и в комплексе позднескифского времени из Налиньгаоту (уезд Шэньму, Шэньси) (золотое скульптурное навершие) (Дай Инсинь, Сунь Цзясян, 1983, с. 24, табл. 4 (1), Дай Инсинь, 1995, с. 121, рис. 2). Золотые бляшки с изображением горного барана, тело которого свернуто в кольцо, обнаружены в комплексе Алучайдэн (5 штук) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986а, с. 347, рис. 3 (6), табл. 115 (1,2)) и — серебряные — в Налиньгаоту (1 штука) (Дай Инсинь, Сунь Цзясян, 1983, с. 25, рис. 4 (1), табл. 5 (3), Дай Инсинь, 1995, с. 126, рис. 9). В комплексе Алучайдэн обнаружены три золотые округлые бляшки с изображением петуха, такие же предметы с изображениями грифонов, здесь же найдены две серебряные бляшки с изображением головы хищника семейства кошачьих анфас, а также золотой «костылек», оформленный в виде пламевидного завитка с прорезной «запятой» (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986а, с. 347, рис. 2 (2,3), 3 (5), табл. 82 (1), 115 (5,8)) Семь накладок из золотой фольги в виде птицы с опущенной головой, а также 5 похожих свинцовых фигурок найдены в могиле М2 в Сигоупань (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986б, с. 357–358, рис. 5 (6), 8 (7), табл. 88(13), 118(5)); найденные здесь же две золотые обкладки ножен кинжала изображают лошадей с вывернутым крупом (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986б, с. 357, рис. 5 (4,5)). В комплекс Шихуйгоу входили серебряные ажурные «подошвы» (Ван Чжицзэ, У Чжаньхай, 1992, рис. 2 (3)). В Няньфанцюй найдены семь накладок из золотой фольги с выдавленным изображением грифонов (Гао И, 1991, с. 405, табл. 4 (5)). В комплекс Алучайдэн входила золотая шейная гривна с противопоставленными изображениями волка, лошади и барана (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1980, с. 334, рис. 1 (2), 1986а, рис. 1 (4)) (рис. 2.–1–17).

В частных и государственных собраниях хранится множество «престижных» предметов с изображениями в том же «пазырыкском» стиле. Такие изделия изготовлялись для элиты кочевых племен мастерами царства Янь в конце IV–III вв. до н.э., о чем красноречиво свидетельствуют находки из могилы М30 в южной столице царства Янь (Синьчжуаньтоу, Исянь, провинция Хэбэй) (Bunker, 1996, p. 58–59).

В той же традиции оформляются многие престижные изделия II–I (?) века до н.э. Парные золотые прямоугольные бляхи с изображениями горных баранов с завернутым в кольцо телом найдены в погребении Лю Чжи, правителя Ваньцю в период правления Цзинь-ди (156–140 гг. до н.э.) (Цян Мэн, Гэн Цзяньцзюнь, 1997, с. 16–18, рис. 37) (рис. 2.–20). Две пятиугольные золотые бляхи с изображениями голов архаров в профиль и головы кошачьего анфас найдены в погребении Лю Шэна в Маньчэне, провинция Хэбэй (конец II в. до н.э.) (Rawson, 1995, p. 33–34, fig. 17) (рис. 2.–19). Изображение конегрифона с вывернутым крупом несут две парные бронзовые позолоченные бляхи из западноханьского погребения в Саньдяньцунь, восточном предместье Сиани, провинция Шэньси (Bunker, 1989, p. 52, fig. 1); такая же золотая прямоугольная бляха обнаружена в коммуне Саньин (уезд Гуюань, Нинся) (Чжун Кань, Хань Кундун, 1983, с. 208, рис. 4 (11), табл. 12 (2)) (рис. 2.–18); бронзовая посеребренная прямоугольная бляха «из Северного Китая» с фигурами двух противопоставленных конегрифонов того же рода хранится в частном собрании Т. и Э. Харрисов (So, Bunker, 1995, p. 61, 137, 138, pl. 13, № 56); известны еще ряд происходящих с территории Китая таких поясных блях с изображением того же конегрифона с вывернутым крупом (см. напр. Дэвлет, 1980, рис. 3.–2; Bunker, 1989, fig. 4.–11). Тот же персонаж изображен на золотой верхнеудинской пластине

из Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1960, рис. 155). Тело его украшено рельефными изображениями головы горного барана и грифонов.

В качестве аналогий этим предметам можно привести изображения из алтайских и тувинских комплексов позднескифской эпохи: фантастические звери на татуировке «вождя» из 2 Пазырыцкого кургана (Руденко, 1953, с. 309–315) и на татуировках мумифицированной женщины из кургана I могильника Ак-Алаха-III (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 9), на зеркале из кургана I могильника Мажалык-Ховузу-I (Грач А.Д., 1980, рис. 113.–1), навершия конских уборов в виде головы грифа с оленьими рогами (Руденко С.И., 1953, табл. 84.–4), деревянная статуэтка фантастического зверя с телом копытного, головой грифа и отверстиями для крепления ушей и рогов из Катандинского кургана (Киселев, 1951, с. 342, табл. 31.–1,3), округлые бляшки с изображением свернутого в кольцо барана из Дужерлиг-Ховузу-I, курган 2 (Грач А.Д., 1980, рис. 68) (прямая аналогия, не говоря уже о том, что изображения голов горных баранов в профиль десятками встречены в алтайских и тувинских комплексах), кожаные аппликации на подошвы из 2 Пазырыцкого кургана (Руденко С.И., 1953, табл. ХСШ.–3, Bunker, 1992, p. 104, fig. 15), огромное количество изображений пламевидных фигур с прорезью в виде запятой из алтайских курганов (см. напр. Руденко С.И., 1960, с. 252–253, рис. 129, табл. 43–46, 78–81, Полосьмак Н.В., 1994, рис. 66), петухов из пазырыцких курганов (Руденко С.И., 1960, с. 261–262, рис. 135), барельефные изображения голов кошачьего анфас отсюда же (Руденко С.И., 1960, с. 280, рис. 144 (м,ф), табл. 47.–1, 94–95, 113.–7), деревянные изображения водоплавающих птиц из кургана I могильника Ак-Алаха-I (Полосьмак Н.В., 1994, с. 53–54, рис. 64). Изображения зверей с вывернутым крупом являются характернейшей чертой искусства саяно-алтайских культур позднескифского времени (Руденко С.И., 1960, с. 300, Грач А.Д., 1980, с. 82). Навершия. в том числе головных уборов, в виде фигуры птицы (как в Алучайдэне) или копытного (как в Налиньгаоту) известны в материалах алтайских курганов (Руденко С.И., 1953, табл. 79.–1,2, 85.–4,5; Руденко С.И., 1960, с. 285–286, рис. 145(в); Кубарев В.Д., 1987, табл. LXXV.–33; 1991, рис. 32, табл. XXVII.–33; табл. LV.–14). Гривны с изображениями противопоставленных зверей обычны для алтайских памятников, в том числе есть и с изображением волка (Кубарев В.Д., 1987, табл. XXVIII.–10; табл. LXXXVI.–22; 1991, табл. LV.–17–20). (рис. 2.–21–32).

Поскольку находки предметов с подобными изображениями не характерны для «рядовых» ордосских комплексов позднескифской эпохи, в то время как они обычны для Саяно-Алтая, приходится признать их появление следствием влияния с северо-запада. Найденные в Ордосе вещи, оформленные в «алтайском» стиле, изготавливались из престижных и, вероятно, особо значимых в ритуале материалов; многие из них производились на заказ китайскими мастерами. Ордосские комплексы с этими предметами: Алучайдэн, Няньфаныцой, Налиньгаоту, Сигоупань М2, Шихуйгоу не имеют себе равных по богатству среди известных погребений кочевников Северного Китая этого времени. С другой стороны, помимо вещей «алтайского» стиля эти комплексы включают выполненные из драгоценных металлов инсигнии собственно ордосского происхождения, бронзовые экземпляры которых обнаружены во множестве «рядовых» погребений: это рассмотренные нами украшения в виде идущего тигра с копытным в пасти (Алучайдэн, Няньфаныцой, Шихуйгоу), а также полые фигурки копытных без постамента (Шихуйгоу (2 шт.), Налиньгаоту (5 шт.)). Такие скульптуры копытных не найдены за пределами Ордоса и достаточно надежно связываются с населением района Гуюани (погребения в катакомбах могильников Янлан, Юцзячжуан и т.д.).

Все вышеизложенное говорит о сложении в позднескифское время определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая, проявившегося как в передвижениях групп населения из Ордоса на Саяно-Алтай и Западную Сибирь, так и в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высшего слоя ордосского общества. Поскольку изделия китайских мастеров в «алтайском» стиле создавались для ордосских потребителей и не найдены в Саяно-Алтае, необходимо признать, что новая ордосская элита все же действовала независимо от алтайского руководства. В письменных источниках формирование новой элиты могло отразиться как появление в Хэнани руководителя «нового типа»: вана, объединяющего под своей властью два различных народа: лоуфань и байян.

Все ордосские комплексы с явными элементами пазырыцкого влияния найдены на севере Ордоса, за пределами не только стены Чжао-сян-вана (см. Пэн Сичжу, 1990), но и стены Цинь Шихуана, захватившего на самом деле отнюдь не весь Ордос, а только лишь узкую полосу земли на западе его, вдоль Хуанхэ. Это обстоятельство, как и датировка комплекса Сигоупань М2 временем не ранее III в. до н.э., а также относительно позднее проникновение ордосского сюжета идущего тигра

с копытным в пасти в Саяны и Приобье, дают основание датировать начало активных алтайско-ордосских контактов концом IV в. до н.э. Если в это время в Ордосе действительно обитали лоуфани, то нет ничего удивительного в том, что они оказались в зависимости от иноземного влияния, будучи отброшены в пустыню после разгрома царством Чжао и утраты пастбищ и торговых путей на севере Шаньси. Находки в Китае престижных поясных блях с изображениями конегрифона и горных баранов, относящихся к западноханьскому времени, т.е. уже к «гунно-сарматской эпохе» свидетельствуют о том, что традиции новой субкультуры высших слоев общества ордосских кочевников переживают нашествие орд Маодуня. Это подтверждает выводы об отнесении памятников Ордоса к наследию племен лоуфань и байян, как известно, окончательно разгромленных только Вэй Цином в 127 году до н.э.. Точнее говоря, здесь необходимо говорить о изобразительной и идеологической системе, характерной для т.н. «вана» лоуфаней и байян и его ближайшего окружения.

Религиозное и этническое (?) единство верхушки ордосских и алтайских племен могло обеспечить надежные пути доставки на Алтай престижных китайских товаров. К IV–III вв. до н.э. относятся первые случаи находок на Алтае привозных китайских предметов: бронзовое зеркало и фрагменты лаковой чашечки из 6 Пазырыкского кургана, шелк из 3 и 5 Пазырыкских курганов, китайское зеркало этого времени было обнаружено на западном Алтае, фрагменты зеркала этого типа — в Минусинской котловине (Bunker, 1991).

В то же время пока нет никаких оснований связывать алтайско-ордосские контакты с именем юэцжей, впервые достоверно локализуемых во II в. до н.э. китайскими письменными источниками в Ганьсуйском коридоре, «между Дуньхуаном и горами Цилян». Ни в материалах случайных находок, ни в исследованных здесь погребальных комплексах V–III вв. до н.э. следов непосредственных контактов с Саяно-Алтаем не наблюдается (см. напр.: Пу Чаохуань, Пан Юэсянь, 1990, Заднепровский, 1997).

В.А. Кочеев

(г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский Институт Гуманитарных исследований)

ПОГРЕБЕНИЕ В С. ЭЛИКМАНАР И ОРУЖЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС В КУРГАНАХ КАРА-КОБИНСКОГО ТИПА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРНО-АЛТАЙСКИХ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ)

V.A. Cocheev

(Gorno-Altaysk, Institute of Humanitarian Investigations)

Burial from Elikmanar and weaponry complex in burials nave kara-koba types

Весной 1985 года в с. Эликманар (Чемальский район, Республики Алтай) во дворе дома № 27 по ул. Советской при рытье погребка было обнаружено древнее захоронение человека. Сотрудники Горно-Алтайского музея, выехав на место находки и осмотрев его, выяснили следующее. Само погребение было обнаружено на глубине 110 см от современной поверхности. Внешнее оформление насыпи отсутствовало, но судя по встреченным в отвале камням, существовала каменная наброска. Раскоп под погреб велся широко, поэтому истинные размеры ямы выяснить не удалось. Само погребение было совершено в каменном ящике из хорошо подогнанных к друг другу шести сланцевых плит. Ящик подпрямоугольной формы, длинной осью ориентирован по линии В–З. Внутренние размеры ящика 180×65 см, в восточной части он несколько шире. С внешней стороны стенки каменного ящика были забутованы камнями. Сверху ящик перекрывался пятью плоскими плитами. В непо потревоженном состоянии внутри ящика сохранилась часть человеческого костяка. Погребение было совершено на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на восток. Под костяком была прослежена подстилка из травы? Погребальный инвентарь — семь черешковых костяных наконечников стрел, бронзовый однолезвийный черешковый нож, бронзовый колчаный крючок и две бронзовых пронизки. Данное погребение можно связывать с погребениями кара-кобинского типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Чжанци. Сиань ши вэньбо хуйцан ордосы ши цинтун ци цзици тэчжэн (О признаках бронзовых изделий ордосского типа, хранящихся в музейных собраниях Сиани) // Каогу ю вэньу, 1991. - №4. – с. 6-11.
- Ван Чжицзэ, У Чжаньхай. Ицзиньхоло ци Шихуйгоу фацзюэ дэ Ордосы ши вэньу (Древности ордосского стиля, обнаруженные в Шихуйгоу, знамя Ицзиньхоло) // Нэймэнгу вэньу каогу, 1992. - №1-2. – с. 91-96.
- Гао И. Нэймэнгу Дуншэн ши Няньфаньцюй фацзюэ цзинь инь ци цзяоцан (В Няньфаньцюй округа Дуншэн, Внутренняя Монголия обнаружен клад золотых и серебряных изделий) // Каогу, 1991. - №5. – с. 405-408, 389.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – Ленинград, 1980. – 256 с.
- Дай Инсинь, Сунь Цзясян. Шэньси Шэньму сянь чуту сюнну вэньу (В уезде Шэньму, Шэньси раскопаны сюннуские древности) // Вэньу, 1983. - № 12. – с. 23-30.
- Дай Инсинь. Налиньгаоту сюнну вэньу чуту люэ цзи (Краткие записки о сюннуских древностях, раскопанных в Налиньгаоту) // National Palas Museum Journal. – Vol. 144, 1995. – с. 118-129.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э. – М., 1980 (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Д4-7). – 66 с.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. – Л., 1983. -
- Заднепровский Ю.А. Пути миграции юэчжей по новым археологическим данным // Ю.А.Заднепровский. Древние номады Центральной Азии. (Сборник статей). – СПб, 1997. – с. 73-79.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хуннско-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 года. – СПб., 1998. – с. 169-177.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юостыда. – Новосибирск, 1991. – 189 с.

- Ло Фэн, Хань Кунлэ. Нинся Гуюань цзиньнянь фацзюэ дэ бэйфан си цинтунци (Ряд бронзовых изделий северного типа, обнаруженных в последние годы в округе Гуюань, Нинся) // Каогу, 1990. - №5. – с. 403-418.
- Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь. Ганьсу Цинъян Чуньцю, Чжаньго муцзай дэ цинли (Упорядоченное описание могильных сооружений эпох Чуньцю и Чжаньго округа Цинъян, Ганьсу) // Каогу, 1988. - №5. – с. 413-424.
- Лю Хунлянь. Тулуфань Айдинху Панькань чуту дэ ху дяо ян вэнь тун шипай. Шилунь Ордосы ши цинтун ци цзай Сичэн дэ инсян (Медная пластина с изображением тигра, держащего в пасти барана, раскопанная в западине Панькань в волости Айдинху уезда Тулуфань. Вероятно, подражание бронзовым изделиям ордосского стиля в Западном крае.) // Синьцзян вэньу, 1992. - №2. – с. 31-34.
- Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991. – с. 108-120.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – с. 292-311.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М, 1997. – 196 с.
- Му Шуньин. Чжунго Синьцзян гудай ишу (Древнее искусство Синьцзяна, Китай). – Пекин, 1992.
- Мэн Вэньтун. Чжоу Цинь шаошу миньцзу яньцзю (Исследование национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). – Шанхай, 1958. – 109 с.
- Нинся Гуюань сянь чуту вэньу (В уезде Гуюань, Нинся, раскопаны древности) // Вэньу, 1978. - №12. – с. 86-90.
- Полосьмак Н.В. "Стерегищие золото грифы" (ак-алахинские курганы). – Новосибирск, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Altaica, iss. 4. – Новосибирск, 1994. – с. 3-10.
- Полторацкая В.Н. Могильник Березовка 1 // АСГЭ. Вып. 3. – СПб, 1961. – с. 74-88.
- Пу Чаохуань, Пан Юэсянь. Юнчан Саньцзяочэн ю Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь (Памятники культуры Шацзин Саньцзяочэн и Хамадунь в уезде Юнчан) // Каогу сюэбао, 1990. - №2. – с. 205-237.

- Пэн Сичжу. Чжаньго Цинь чанчэн каоча ю яньцзю (Детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь в эпоху Чжаньго). – Сиань, 1990. – 298 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 402 с., 120 л. илл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 359 с., 128 л. илл.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Том VI. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина. – М., 1992. – 483 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Том VII. Перевод с китайского Р.В.Вяткина. Комментарий Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. – М., 1996. – 462 с.
- Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Янлан цинтун вэньхуа муди (Могильник культуры бронзовых изделий в Янлане уезда Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао, 1993. - №1. – с. 13-56.
- Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн. Дун Чжоу шици дэ жун ди цинтун вэньхуа (Культура бронзовых изделий жунов и ди эпохи Восточного Чжоу) // Каогу сюэбао, 1993. - №1. – с. 1-11.
- Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн, Гэн Чжицян. Сицзи сянь Чэнянчуань муди фацзюэ цзянбао (Краткое сообщение об обнаружении могильника в Чэнянчуань уезда Сицзи // Нинся каогу вэньцзи. – Иньчуань, 1996. – с. 61-70.
- Сюн Цуньжуй. Сянь Цинь сюнну цзи ци ю гуань дэ цзигэ вэньти (Сюнну в доцинское время, а также несколько вопросов, имеющих к этому отношение) // Шэхуй кесюэ цзяньфан, 1983. - №1. – с. 110-113.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Выпуск 1. – М., 1968.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Нэймэнгу Алучайдэн фацзюэ дэ сюнну иу (Сюннские древности, обнаруженные в Алучайдэн, Внутренняя Монголия) // Каогу, 1980. - №4. – с. 333-338, 364, 368.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Ордосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). – Пекин, 1986. – 402 с., 120 л. илл.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Алучайдэн фацзюэ дэ цзинь синь ци (Золотые и серебряные изделия, обнаруженные в Алучайдэн) // Ордосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). – Пекин, 1986а. – с. 342-350.

Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Сигоупань Чжаньго му (Могилы эпохи Чжаньго в Сигоупань) // *Ордосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля)*. - Пекин, 1986б. – с. 351-365.

У Энь. Люэ лун гуайи дунъу вэньян цзи сянгунань вэньти (Немного о необычных видах звериной орнаментики и о связанных с этим проблемах) // *Гугун боюань юанькань*, 1994. - №3. – с. 27-30

Хаяши Минао. Тюгоку Ин-Шу цзидай-но буки (Оружие Китая эпох Инь-Чжоу). – Киото, 1972.

Цай Цин, Сюй Сюэшу. Сычуань Маосянь Муту и хао шигуань му цзи пэй цзанкэн цинли цзянбао (Краткое упорядоченное сообщение о каменной гробнице №1 и связанных с ней погребальных ямах в Муту уезда Маосянь провинции Сычуань // *Вэньбу*, 1994. - №3. – с.1-40.

Цян Мэн, Гэн Цзяньцзюнь. Сюйчжоу Си Хань Ваньцю хоу Лю Чжи му (Могила Лю Чжи, хоу владения Ваньцю в эпоху Западная Хань в Сюйчжоу) // *Вэньбу*, 1997. - №2. – с. 4-21.

Чжаньго цэ. – Т. 1-3. – Второе издание. - Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1995.

Чжун Кань, Хань Кундун. Нинся наньцзюнь Чуньцю Чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа (Культура бронзовых изделий эпох Чуньцю и Чжаньго в южной части Нинся) // *Чжунго каогусюэ хуй дисы цынянь хуйлунь вэньцзи (Сборник материалов четвертого ежегодного конгресса Археологического общества Китая)*. – Пекин, 1983. – с. 203-213.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.

Ши цзи. – Т. 1-10. - Изд. четырнадцатое. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1996.

Ян Шичжун, Ли Хуайжэнь. Нинся Сицзи фацзюэ и цзо цинтун шидай муцзан (В уезде Сицзи, Нинся обнаружена могила бронзового века) // *Каогу*, 1992. - №6. – с. 573-575.

Bunker E.C. Ancient Art of Central Asia and Siberia // *Ancient Bronzes, Ceramics and Seals. The Nasli M. Heeramaneck Collection of Ancient Near Eastern, Central Asiatic and European Art*. – Los Angeles, 1981. – p. 139-176.

Bunker E.C. Dangerous Scholarship: On Citing Unexcavated Artefacts from Inner Mongolia and North China // *Orientalism*, 1989. - №6. – p. 52-59

- Bunker E.C. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds // Source: Notes in the History of Art, Vol. 10, 1991. – №4. - p. 20-24.
- Bunker E.C. Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // Bulletin of the Asia Institute. - New Series, Vol. 6, 1992. – p. 99-115.
- De Groot J.J.M. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Erster Teil. – Berlin-Leipzig, 1921. – 304 S.
- Haskins J.F. China and the Altai // Bulletin of the Asia Institute. - New Series, Vol. 6, 1992. – p. 1-9.
- Kan Yong. The Bronze Culture of West Yunan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. - Vol. VII, 1985. – p. 47-92.
- Orioli M. Pastoralism and Nomadism in South-West China: a Brief Survey of the Archaeological Evidence // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992. – Napoli, 1994. – p. 87-108.
- Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400-300 B.C. – Dordrecht, 1971. – 315 p.
- Psarras S.-K. Xiongnu Culture: Identification and Dating // Central Asiatic Journal, Vol. 39, 1995. - №1. – p.102-137.
- Rawson J., Bunker E.C. Ancient Chinese and Ordos Bronzes. – Hong Kong, 1990. – 362 p.
- Rawson J. Jade and Gold: Some Sources of Ancient Chinese Jade Design // Orientations, 1995. - №6. – p. 26-37.
- So J.F., Bunker E.C. Traders and Raiders on China's Northern Frontier. – Siattle – London, 1995. – 203 p.
- Zhang Lei. A Many-Splendoured Exhibition of Chinese Relics // Orientations, 1993. - №12. – p. 28-37.